

МИСТИЦИЗМ*

Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

В первую очередь разрешите поблагодарить ваше начальство за приглашение побеседовать с вами. Скажу также, что мое несколько необычное прошлое никак не оправдывает ту беседу, ради которой я оказался сегодня здесь. Единственная причина, по которой я могу говорить на данную тему, заключается в том, что никто, каковы бы ни были его убеждения и образ жизни, не может уйти от проблемы мистицизма. Существует «мистика» атеиста, так же как существует и «мистика» верующего.

Первое, что необходимо сделать, если вы собираетесь говорить о мистицизме, это дать ему определение, и это, возможно, самая трудная часть дела, потому что мистицизм понимается очень по-разному. Чаще всего, и на практике, под мистицизмом понимают некий трансцендентальный опыт, переживания, не принадлежащие области чисто мыслительной. И ударение обычно ставится на слове *опыт*. Это одновременно и справедливо, и таит в себе опасность, потому что, хотя верно, что мистическая жизнь заключается в опыте, но чрезвычайно опасно свести ее к собственным переживаниям. В таком случае рискуешь фактически приравнять мистический опыт к переживанию, какое пытаются получить от употребления наркотиков или психологических состояний, которые могут быть искусственно вызваны. И тут теряются любые объективные критерии.

К этому я еще вернусь. Сейчас скажу только, что это не единственное определение, какое можно дать мистицизму. Мистическую жизнь можно определить не только как опыт, но и как приобретение личного знания, обладание личным знанием, и, следовательно, знанием чего-то, что превосходит твою собственную личность, что является опытом, который принадлежит многим или всем. Разница между этими двумя подходами заключается в том, что в первом случае в центре всего стоит опыт; в другом случае – централен тот факт, что я почувствовал присутствие чего-то большего, чем я; в центре – та область, куда я вступаю.

* Беседа состоялась в Лондонской Школе искусств 18 октября 1967 г.

Я сказал, что есть аналогия между тем, кто пускается в мистический поиск с намерением пережить некий опыт, и тем, кто ради этой же цели прибегает к наркотическим средствам. Это следует пояснить. Общее в том и другом случае – сосредоточенность на себе. Ищет ли человек опыта в наркотике или старается привести сознание в определенное состояние, – он ищет опыта, который принесет удовольствие и будет длиться возможно дольше. Опыт употребляется в свою пользу.

Подлинный мистицизм, как мы это видим на примере святых, подвижниках духа, не обращен на себя. Он всегда как бы случаен. Он – часть целой жизни, в которой не ставится целью пережить такой опыт. Искусственно созданные состояния, переживания характеризуются тем, что они преходящие. Если употребить наркотик, если при помощи психологических приемов привести себя в определенное душевное или эмоциональное состояние, оно длится какое-то время, пока действует наркотик или пока использованное средство владеет нашей душой. А затем это состояние идет на спад и совершенно угасает. Единственный путь снова вернуть себе это состояние – прибегнуть к тем же внешним средствам.

Второе, что характерно для этих искусственно созданных состояний – невозможность ими поделиться, их передать. Это важная их черта. Когда человек употребляет наркотик или впадает в своего рода психологический транс, он испытывает некое переживание. Но его невозможно передать кому-то еще.

Эти две черты по-своему важны для верующего христианина, потому что они подобны тому, что мы видим в отношении греха вообще. Во-первых, грех всегда эгоцентричен, он сосредоточен на мне. Цель греха – создать какое-то переживание, какое-то удовольствие или состояние, которое мне будет (как я надеюсь) приятно. С другой стороны, переживание это длится недолго и исчезает. И в-третьих, им так же невозможно поделиться, как наркотическим опытом. Мне кажется, это важно отметить, потому что очевидно, что греховно не само переживание, а обращенность на себя, то, что цель его – только лишь удовольствие. Другой цели нет. И, кроме того, такое переживание по самой своей природе требует повторения, повторение необходимо, потому что переживание кончается, и чтобы снова погрузиться в него, требуется повторить опыт. От него не остается ощутимых результатов, он не приносит плодов, которые осмысленны и самоценны. Вот почему грех так скучен и так повторяется. Вот почему люди снова и снова, до бесконечности, обращаются все к тому же. И что еще характерно: постепенно переживание снашивается, становится все более скучным, и значит, приходится усиливать его качественно или количественно.

Я вспоминаю человека, который пил без меры, действительно *без* всякой меры. Он пришел ко мне за советом, как бы ему пить меньше. Для начала я попытался объяснить ему то, что только что сказал об эгоцентризме, эгоистичном, неверном отношении. Но затем я нашел пункт, который дал гораздо лучшие результаты, чем мои богословские изыски. Я сказал: «Ну, если уж ты грешишь, то греши с умом. То есть – в полное свое удовольствие». Человеку такая идея очень понравилась, она, будто, давала ему моральное право уйти с головой в пьянство. Но когда мы копнули глубже и рассмотрели внимательно, что я имел в виду, все оказалось вовсе не так уж приятно. На самом деле я сказал ему вот что: «Понаблюдай, как ты пьешь. Ты увидишь, что первый глоток – абсолютное удовольствие. Второй – приятен. Так же несколько следующих. Но потом удовольствие кончается. Вкус притупляется, так что ты стараешься пить все больше, или закусываешь орешками, или еще чем-то, чтобы оживить вкусовое восприятие. Но, что бы ты ни делал после полу-стакана или стакана, или чуть больше или чуть меньше, соответственно твоей мере, приходит момент, когда ты пьешь только лишь потому, что надеешься, что количество вина, его воздействие, перемена выпивки или закуски оживят в тебе способность получать удовольствие. И момент этот никак не приходит. Когда ты поймешь это, научись получать удовольствие от греха сразу. Выпей с удовольствием три глотка, после чего отставь стакан». Этот человек, обладавший систематическим и организованным умом, так и поступил. И через короткое время он пришел ко мне и сказал: «Да, получается. Я больше не пью много, потому что я могу выпить с удовольствием всего несколько глотков. Я их и пью, и теперь бутылки – увы! – хватает мне на неделю».

Это характерно для греха вообще, это характерно для *пристрастия* вообще, любой формы пристрастия. Потому что пристрастие сводится к усилию, порой очень напряженному, достичь удовольствия, и довольно быстро усилия становятся бесплодными. Если обратиться к древнегреческой философии, к Эпикуру, который обычно представляется как мыслитель, который дал нам право погрязнуть в жадности, лени и всевозможных удовольствиях, какие только можно придумать, то мы обнаружим, что на деле он был предельно трезвым человеком, – по той самой причине, о которой я сказал пришедшему ко мне за советом. Удовольствие можно получать маленькими порциями. Так получай удовольствие от жизни в полную меру: небольшой кусок хлеба, несколько маслин, глоток вина, вдох воздуха и т.п. Эпикур был одним из самых аскетичных людей, каких можно себе представить, ради того, чтобы быть в состоянии получать от всего удовольствие.

Вот своего рода мудрый способ быть эгоцентричным и греховным, который прямо выводит вас из эгоцентричности и греховности. Потому что, как только вы действительно цените что-то вне себя, вы уже не сосредоточены на себе. Вы становитесь художником. Вы становитесь способным по справедливости оценить вкус, прикосновение, звук, видимую красоту и т.п. и получать от всего удовольствие с трезвостью. Это уже не тот первый уровень эгоцентризма, о котором я говорил.

Люди, которым присущ эгоцентризм, стараются все свести к источнику удовольствия для себя, в том числе – искусственно вызванные состояния души. Достичь таких состояний можно многоразличными способами. Не обязательно принимать наркотики, можно прибегнуть к таким вещам, как музыка, как видимая красота, и злоупотребить ими, профанируя их, если, вместо того чтобы любоваться красотой, я бы даже сказал, поклоняться ей, мы сведем ее к жалкому уровню средства самодовольствования. Точно так же можно профанировать Бога, точно так же может быть профанирован религиозный опыт. И очень часто мы именно так поступаем. Человеку, который ходит в церковь часто и с удовольствием, можно было бы сказать: «Пожалуйста, проявите больше уважения к Богу; ходите, но не старайтесь использовать Его или все то, что родилось вокруг Его имени, вокруг Него Самого в совершенно ином расположении духа, для получения удовольствия». Ведь вы, наверное, понимаете, читая дивные молитвы великих мистиков, что они не были написаны в теплой комнате, в уютном кресле за письменным столом, на котором стояла бутылка вина и пепельница с сигарой. Они вырвались из человеческой души в попытке перерасти собственную самость, собственную ограниченность. В них нашли выражение эта борьба за возрастание, и зарождающаяся приобщенность к чему-то, что превосходит их самих, что заставляет их склониться долу перед величием того, с чем они встретились. Так что, когда мы наслаждаемся «художественной ценностью» (в кавычках!) молитвы, мы погрешаем против духа человеческого, который жил в этих людях, столь великих душой и заплативших так дорого за то, что мы воспринимаем, по-видимому, так легко.

То же самое относится к церковной музыке, к церковной живописи, ко всему. Цель церковной музыки и церковной живописи никогда не была в том, чтобы украсить богослужение, украсить храм. Это было делом богопоклонения. Это было выражением того, что люди, создававшие эти произведения, настолько благоговели перед Богом, так высоко Его ценили, что и свои творения старались сделать достойными Его и того, как они Его переживали. Вот тут-то и есть разница между тем, о чем я сейчас говорю, и пристрастием к наркотикам. Потому что такой опыт, подобный

мистицизм может быть передан другому. Когда мы видим этих гигантов духа, которые вели борьбу, будь то в миру или в пустыне, мы понимаем, что боролись-то они в той единственной настоящей пустыне, какой является человеческая душа, на той единственной глубине, какой является глубина трагедии человеческого становления. В процессе этой борьбы в них рождались молитвенные слова или звуки музыки, или линии и краски, их опыт становился живым, и мы можем войти в него. Они действовали не из корыстных побуждений, их опыт перерастал их самих и становился опытом многих.

Мне кажется, в наши дни существуют две тенденции, более ярко выраженные, чем, скажем, в XIX веке. С одной стороны, есть люди, которым просто хочется получить удовольствие, приобрести опыт, который приведет их в доселе неведомый им мир – более широкий, более глубокий, красочный, более интересный, чем тот мир, в котором они живут. С другой стороны, есть люди, которые готовы дорого заплатить за то, чтобы войти в такой мир, но войти более творческим и бесповоротным образом. Здесь, думаю, важное слово – «бесповоротный». Творчество зависит от наших способностей. А то, что мы решаемся войти в этот мир бесповоротно, оборачивается усилием, подвигом. Я сказал в начале, что грех, пристрастие есть состояние преходящее, которое требуется обновлять, начинать с нуля каждый раз. Подлинный мистический опыт – не краткосрочное переживание, не что-то, что случилось, умерло, к чему надо вернуться сначала. Подлинный мистический опыт – это открытие того, что будет приносить плод час за часом и день за днем.

Возьмем примером блаженного Августина: он открыл для себя Бога, и это был поворотный момент, приведший его на совершенно новый путь. Каждому, кто в жизни делает подобное решающее открытие, приходится перемениться. Он не может остаться таким, как был. И затем первоначальный опыт становится чем-то иным: открытие Бога ведет человека к открытию себя самого и, вместо ожидания очередной порции услаждающего, приятного опыта, к жизни честной, трудной, к новым подвигам в совершенно другом настроении.

Помню, однажды мне сказал кто-то, что влюбленность – состояние, ведущее к глубокому смирению. Что-то подобное есть в любом мистическом переживании. Когда ты любим, невозможно думать, что это нормально, – разве что ты полон тщеславия, гордости, в конечном итоге, глуп, если думаешь: «До чего же я хорош! Ничего удивительного, что меня любят!»... Когда ты обнаруживаешь, что тебя кто-то любит, то чувствуешь смирение. Понимаешь, что любовь – нечто такое великое, драгоценное, такой невероятный, незаслуженный дар, что принять его можно только с благоговени-

ем, и тогда чувствуешь себя одновременно бесконечно малым и бесконечно великим, но не «значительным», не гордым, не тщеславным.

То же самое случается, когда открываешь Бога. Те люди, которые рассказывали о своем открытии Бога, описывали, как их охватило ощущение встречи с любовью, красотой, величием. Но они писали еще о том, что чувствовали побуждение жить так, чтобы во всяком смирении и верности быть достойными того, что они были взысканы, найдены и получили то, что им было дано.

Я хотел бы коротко передать, как говорит об этом святой Макарий Египетский. Будучи уже старым человеком, который знал Бога в молитве и строгой, подлинно подвижнической жизни, он пишет о том, что было с ним когда-то давно. Он говорит, что в нашем восхождении к Богу мы достигаем места, которое он называет (хотя это вне предмета нашей сегодняшней беседы) двенадцатой ступенью, и тогда вдруг в полном безмолвии всего, что нам принадлежит, – тела, ума, эмоций, – мы оказываемся перед областью Божественной, встречаемся с Богом. В этот момент мы уже не владеем своими мыслями, чувствами или волей. Мы все – зрение. Мы смотрим всем своим существом, мы воспринимаем всем, что в нас способно воспринимать. Это состояние такой полноты, что человеку не нужно было бы ничего иного, кроме как пребывать в этом состоянии. Но мы обнаруживаем в этот момент, что Бог есть любовь, и мы не можем остаться в этом состоянии, видя из глубин божественной любви, что другим тоже нужно это знание, а они им не обладают. И в тот момент, когда мы осознаем, что по любви готовы оставить свой трансцендентальный мистический опыт, который мог бы быть для нас жизнью, и радостью, и питал бы нас вечно, Бог, Который есть любовь, приобщает нас жертвенной любви. Он отступает и сводит нас в область человеческую, и наш первоначальный опыт уходит.

В этом примере важно вот что: опыт, который мог бы наполнить всю человеческую жизнь, остаться самодостаточным навсегда, ведет человека к акту самоотречения. Человек открывает Бога, Который есть любовь, и не может остаться верным этому Богу, если не выразит делом свою любовь, то есть пожертвует собой. Здесь прямая противоположность тому, о чем я уже говорил раньше, – поиску переживания, попытке его удержать, сохранить, не отпускать, если только возможно, все время его обновлять. Можно привести много примеров, начиная с де Куинси и его курильщиков опиума¹. При желании, слово «опиум» можно использовать

¹ Де Куинси, Томас (De Quincey, Thomas, 1785-1859), английский писатель, публицист и критик. «Исповедь любителя опиума» (Confessions of an English Opium-Eater) – автобиографическое произведение.

и в другом контексте, так как столь многие употребляют религию, формы богослужения и т.п. как будто бы это опиум («религия – опиум для народа», по выражению Карла Маркса). В нашем же случае мы видим человека, который готов потерять самое драгоценное, что у него есть, потому именно, что драгоценность, которой он обладает, не позволяет ему быть эгоистичным, эгоцентричным.

И тогда мы вступаем в *область веры*, как называет это св. Макарий. Вот что он имеет в виду. Когда мы расстаемся с этим опытом, который есть вечная жизнь уже наступившая, уже уносящая нас, то остается уверенность в пережитом. Вместе с тем, очевидно, что она как бы угасла и уже не является охватившим нас опытным переживанием. И тут в чистом виде проявляется вера, в том смысле, как о ней говорит автор Послания к евреям, то есть уверенность в вещах невидимых (Евр. 11: 1). Вера – уже не предмет созерцания, уже не охваченность любовью, но уверенность, что все это существует, что оно тут, оно может вернуться, но мы от всего этого добровольно отходим в акте любви, который более значим, чем обладание опытом. Это, мне думается, есть пробный камень подлинного мистического опыта, доказательство делом: именно *потому что* мы поняли всю ценность, бесконечную красоту пережитого, мы готовы утратить это переживание, чтобы дать возможность другим, пусть даже только одному человеку, услышать о нем и пуститься на поиски его. Любая другая форма мистического опыта – подделка, здесь в центре – сам человек, и глубина подобного опыта ограничена этой чертой. Я не имею в виду подлинную глубину человека – глубины его сердца так велики, что только Сам Бог может по-настоящему их заполнить. Я говорю о мелочности эгоцентризма, узости, ограниченности самости. А это значит, что все в жизни, любое физическое, эмоциональное или умственное переживание, которое мы стараемся удержать, ухватить, не выпустить, – все это грех и ошибка. Это промах, потому что здесь мы в любом случае будем в убытке. Потому что то, чем мы обладаем для себя, в собственную пользу, делает нас не богаче, а беднее.

Если хотите, могу дать вам пример, и прошу прощения, что мои примеры так мало возвышенны – они в мой масштаб. Посмотрите, что случается с тем, кто чем-то обладает, удерживает что-то. Предположим, у вас есть драгоценная золотая монета. Вы зажали ее в руке и обладаете этой драгоценностью, думая, что вы богаты. Нет! У вас есть золотой, но руку вы потеряли, потому что больше не можете пользоваться ею. Что вы можете сделать рукой? Можно, конечно, разжать руку, тогда вы богаты. Но если вам не повезло и у вас два золотых, по одному в каждой руке, то вы точно ребенок, родившийся безруким.

Есть на эту тему один персидский рассказ, мне кажется, очень убедительный. Богатый человек возвращается из путешествия ободранным, как липка, лишившимся всего, с чем он уезжал. Его друзья с удивлением спрашивают, что случилось. «На меня напали разбойники», – отвечает он им. «Но разве ты не мог защититься?» – продолжают удивляться они. «Как же мне было защищаться? – возмущается путник. – У меня были заняты руки – в одной пистолет, а в другой кинжал. Я не мог ничего сделать руками». Рассказ этот звучит нелепо, но он не нелепее того, что постоянно происходит с нами в жизни, когда, ради обладания чем-то, мы мельчаем. Это бывает с каждым, кто стремится *обладать* каким-либо переживанием, старается не отпустить его от себя. Это может быть переживание дружбы, переживание любви, переживание Бога, переживание искусства, все, что угодно: поскольку вы зажимаете его в руке, постольку вы становитесь его пленником, а не хозяином. Ведь если у вас в руке есть монета, фартинг или гульден, и вы разожмете один-два пальца, то сможете увидеть, что монета на месте. Но то же самое невозможно проделать с тем опытом, который мы называем мистическим – в руке *ничего* не будет, только сама зажатая рука, и вы остаетесь ни с чем: нет ни опыта, ни сокровища, ни руки. Я думаю, это очень важно понять, потому что грех – всегда ошибка в расчетах, самость – всегда неправильный расчет. Любые пути обладания чем-то ошибочны. Потому что в итоге мы не обладаем ничем и теряем даже то, что, как нам казалось, имели.

Так что для подлинного мистицизма не характерно длительное переживание, это не то, чтобы непрерывно лакать сливки. Характерна здесь, во-первых, подлинность переживания, то, что оно не было создано искусственным путем, что нечто действительно *произошло* в контексте взаимоотношений человека. Это произошло, а не было произведено человеческим усилием. А во-вторых, это переживание таково, что его не передать описательно. Мистика, мистицизм – сами слова происходят от греческого корня, который означает «быть в молчании», «лишиться дара речи».

Мистическое находится за пределами рационального описания, не может быть передано от одного к другому таким способом. Но им можно поделиться иным путем. По опыту св. Макария, когда вы познали, что Бог есть любовь, вы можете передавать это знание путем искренней, самоотверженной, жертвенной любви. Этот опыт – пусть не самую суть – возможно передавать через образ жизни, являющий любовь в действии.

Так что, если мы хотим вести жизнь, в которой есть место мистике, начать надо с другого конца. Надо признать, что обращенность на себя,

самость, приведет нас к тому, что мы измельчаем, к тому, что мы станем закрытыми, и ничто не сможет помочь нам вырасти и вместить что-то большее, чем наше собственное ничтожное, маленькое «я». Осознание этого – само по себе целая программа, потому что научиться освобождать себя от самости ради того, чтобы вырасти в меру потока жизни, его ширины и глубины, это тяжелый труд. Всякий, кто хочет узнать что бы то ни было о мистической жизни, должен начать с этого: обнаружить, что есть вещи более великие, чем он, и что отношения с великим всегда начинаются с поклонения – акта поклонения, когда мы признаем подлинную и великую ценность того, что превосходит нас, и готовы служить ему. Мальчики, юноши моего поколения не раз слышали это в детстве в такой формулировке: твоя жизнь сама по себе не представляет интереса, ценности, она приобретет ценность только в меру того, за что ты готов отдать свою жизнь. Ради чего ты готов жить и за что готов умереть – вот мера и ценность твоей жизни, вот подлинно мистический или аскетический подход, который может привести к подлинному мистическому опыту.

Я выступаю здесь не с проповедью и не с призывом. Но, я думаю, каждый, кто хочет жить, должен научиться этому самоотречению, чтобы перерасти себя и достичь приобщенности к жизни в ее полноте, гораздо более широкой и глубокой. Для верующего эта полная жизнь включает видимое и невидимое. Она включает в себя и молитву, и человеческие взаимоотношения. Пока мы не научились тому, что жизнь – это не плоская схема, заключенная в двух измерениях времени и пространства, что у нее есть третье измерение – вечности и безмерности, мы будем сводить жизнь только ко внешнему и осязаемому. Даже в наших человеческих взаимоотношениях все будет сводиться к зримому и осязаемому, сколь глубокими мы бы ни полагали отношения с теми, кто нас окружает. Мы всегда будем упускать то единственно ценное, что может дать нам непреходящий мистический опыт. Это невидимый Ближний, Тот, Кто превосходит время и пространство – Сам Господь Бог, Который основа всякого опыта, Кто вправе ожидать от нас всецелой преданности и может научить нас той жертвенной любви, которая даст нам способность, преодолев ограниченность и закрытость нашего существа, вырасти в меру вечности и безграничности.

Вот все что я могу сказать на эту тему, которую нахожу чрезвычайно трудной, и я надеюсь, что вы извлечете несколько мыслей из того, что я старался вам передать.